

Нина СИЛАЕВА

* * *

От знойного, злого солнца в дубраве Мамре укрыться
И, отыскав местечко, расположиться в тени,
И под иудейским небом далекой Россией забыться.
И пусть пробужденные травы прошелестят: “Взгляни!”

Ты явишься белым старцем до боли, до боли прекрасным,
И встанешь неслышно рядом и, не поднимая глаз,
Попросишь за всё прощенья и тихо, почти бесстрастно,
Отвечу тебе: “Иуда, ты всё-таки предал нас!”

* * *

Что мне сказал Монтень сегодня утром?
Как, впрочем, и всегда — коснись страниц...
То, что мозги, присыпанные пудрой,
Стирают уникальность с наших лиц!
И что, гламур — Освенцим добровольный.
Нет в глянце середины золотой...
Телец одноимённый (пусть невольно)
Вас неминуемо утянет за собой!

* * *

Маяки зашторенных квартир,
Зазеркалье спящего эфира.
Торжествует в небе звездный мир
И поёт тоскующая лира.

Смуглый ветер лепит тишину,
Освежая жаркие объятия
Дома, отошедшего ко сну,
С переулком в тополином платье.

Ты пройдёшь, спрягая эту ночь
В неизбывной нежности и грусти,
Будет лить метеоритный дождь,
Под твоей ногою звёзды хрустнут,

Сонные, дежурят фонари,
Ночь сгустилась в долгом ожиданье...
Ты придёшь предвестником зари,
Солнечного света предсказаньем.

* * *

Моё чувство как пьяный комар,
До отказа наполненный кровью,
Ещё сутки и он будет стар —
Разве это зовется любовью?

Ну а если — хлопок по спине,
Апеллесовой красной чертою
И распятем на чьей-то стене
Быть любви... остальное пустое.